

Какое чудо – плыть. Плыть и плыть – по волнам времени, по волнам текстов, всматриваясь вдаль, стоя то под палящим солнцем, то под проливным дождём, то под суровым холодным ветром... время разнолико, оно к нам то нежно, то жестоко, а журнал «БЕРЕГА»?.. что журнал «БЕРЕГА», вот он, плывёт неустанно, он в золотой ладье перевозит нас, читателей и авторов, на берег Иного Времени: того, где нас могут не узнать в лицо, а могут и заплакать от радости, увидев, услышав нас, долгожданных, живых.

Живых – вот в этой удивительной, потрясающей материи: в живо, страдально и счастливо рождённых СЛОВАХ. Сколько же лиц на челне! Сколько душ живых!..

И возможно погрузиться в драгоценную атмосферу каждой; и возможно понять, узнать, открыть, влюбиться до безумия, поспорить до хрипоты, обнять крепко – мысленно или наяву, это уже всё равно. Пока мы живы, пока мы здесь и сейчас – мы сомгновенники. «Нас было много на челне; иные парус напрягали...» (А. С. Пушкин...)

За нами, да, за нашими плечами – крылья наших Ангелов, бьющиеся сердца наших великих учителей.

Русская культура славна духовными путешествиями.

Поплывём и мы – от Берега к Берегу, от времени к времени, от сердца к сердцу.

Вячеслав Куприянов: «Орден Полярной звезды»... Вслушайтесь в название повести! Оно завораживает. Завораживает, затягивает и тематика, вернее, мегаобраз этой прозы. Отец – изобретатель, конструктор, великий учёный; сын – астронавт, и его всю жизнь, с детства, готовят к исторической миссии, да, он полетит в космос, да, он будет славным, сверкающим, невероятным, гордостью Земли, цивилизации, культуры...

«И он, будущий сосуд всеобщего нового времени, в отличие от личностей, оставивших в человеческой истории цепочку значительных следов, был включён в сонм бессмертных, ещё не совершив заданного подвига. Это было обоснованно, ведь, когда он совершит свой подвиг и замкнёт кривую своего полёта, его встретят (согласно теории относительности) уже другие поколения, и они едва ли будут помнить даже кого-то из его достойных современников, ибо не будет для них такого свершения в прошлом, сравнимого с его неизбежным подвигом ради их будущего. <...>»

Разве мы, люди, человечество в совокупности, мечтаем не об этом? Разве мы молча не поджидаем, когда пройдёт час и мы встанем вровень с беспредельным Космосом, вровень с богами неведомых созвездий? О, дерзко – встать вровень с Богом! И люди и сейчас уже посягают на всесущую теократию, становясь из демиургов – теургами: им (нам!) хочется заново сотворить Бога. Повторить сотворение Мира. Но как тогда быть с чашами весов, где лежат безумная дерзость творения и откровенное безумство не знающего Божьего страха, забывшего Божий страх человека?..

Следует окончание повести... ждём его...

Юрий Серб изумляет (наверное!) старую орфографией в рассказе «Сонь подь шубой». Я очень понимаю писателя: это не только и не столько возврат в прошлое, не ретроспекция, это, с одной стороны, жёсткий намёк на то, чего мы лишились, – язык = народ, его зык – его вечный звук! его письмо – не просто буквы-буквицы: это сакральная наша, священная, полная силою Духа русская вязь, славянское благословение, начертание (фиксация) Божьей речи. Автор талантливый так или иначе – проводник речи Бога. И сочетание блестящей фантастики, искромётности (и горечи!) жанра и старорусской языковой метелицы, внутри которой идёшь, рукою защищаясь от ветра, от сильного ветра ночных, иных времён, – вот что поражает на самом деле:

«– Интересно, что чувствует женщина, производящая нынешних классиков? Гордость? Удовлетворение?»

Гостья уловила въ вопрость подвохъ и не захотѣла остаться въ долгу.

– Классики, нынче... – въ ея улыбка блеснула издёвка, и она со смакомъ, нарастающе повторила русское слово: – Ныи-и-нче!.. классики!.. – потому что ребята издаются классическимъ способомъ, за счётъ издателя. А безпризорники, патриоты и прочая шушера имѣютъ полное право издаться, какъ поётъ реклама – бесплатно, тиражомъ отъ одного экземпляра, по льготной цѣнѣ – и выставляйте свой экземпляръ въ интернетъ на продажу. На русскій авось!

И, побѣдно глянувъ на посылителя, она потрянула гривой:

– Ужъ не интервью ли вы берёте, молодой человекъ? Имѣйте въ виду: интервьюеры хорошо пополняютъ мой бюджетъ по судебнымъ рѣшениямъ!.. <...>»

Рассказ – на животрепещущую писательско-издательскую тему; и прекрасно узнаваема открытая метафоричность в названии известного в писательских кругах, зашифрованного имени героини; но дело даже не в этом. А в том, что фантастика эта, слишком, остро-больно похожая на правду, – на самом деле о распаде и соединении, о разрушении, которое иные «культурные» сообщества воспевают в откровенных слоганах: «РАЗРУШЕНИЕ ОЖИВЛЯЕТ», и о созидании, об уничтожаемой истине и торжествующей лжи.

Как быть? Как выбрать путь? Как разобраться в драгоценностях Мира и в его позоре и ужасах? И что есть тогда литература, слово, великий Божий Логос, и зачем его человек бичует, извращает, приспособливает, предаёт... и даже – и это страшно! – убивает? А ведь призвание художника, писателя – рождать, утверждать, исповедаться... и превыше всего – любить.

Роман «Особняк» Анастасии Черновой сразу погружает нас в переключку времён, событий, в перекрестье судеб, а они, как планеты, крутятся вокруг сверхплотной звезды – городского особняка, обладающего странной и трагической притягательностью; он – своеобразный магнит, и его сила необъяснима:

«Здание, которое напоминало мощную планету, вокруг которой кружили остальные дома, улицы, памятники. Другие города, страны и галактики. Туманы, дожди, потоки солнечных лучей и ветер. <...>»

Как разгадать загадку времени? И надо ли? Может, время вовсе не течёт, а стоит на месте? И каждый из нас хочет счастья. Хотя вся жизнь – вереница несчастий, и от беды не скроешься. И просвечивает сквозь изображения живых, реальных людей другая реальность, нечто ирреальное, потустороннее, пугающе непонятное... Только верующий в Бога человек может преодолеть этот экзистенциальный страх смерти и бездны.

«– Поля, – сказал после Данила, – о чём задумалась?»

– О жизни, которая нас ждёт... Ты даже не представляешь, как будем мы счастливы... – она положила голову ему на плечо и ткнула пальцем вверх. – Вот там горят звёзды, и одна из них – наша. Неужели эта звезда горит и сегодня? Даниле стало смешно.

Вот стадион на месте бывшего церковного кладбища. Над ровным асфальтом туманно вздымалось что-то похожее на кресты, и человек, обвитый белым полотном, стоял поодаль. <...>

И миллионеру Тиролюскому по прозвищу Тролль герой романа Данила готовит нечто страшное... Смерть ходит рядом. Ужас Ада – тоже. «Отрицаешься ли сатаны и всех деяний его?» – спрашивает во храме иерей крещаемого. Протагонист и антагонист – Данила и Тролль – неразъёмное соединение несочетаемого. Что есть ненависть? Она ещё сильнее прилипает к человеку ненавидящему; крепче любого горя. Продолжение следует... но и продолжение жизни тоже, а в ней ох как много таких вот Троллей и таких Данил... И никуда не деться от зависти, злобы, ненависти, мести и войны.

И задача писателя, что поставил себе творческой целью не только обнаружить, но и изобразить объёмно, исследовать глубоко и досконально трагический феномен насилия, не так-то проста, но всецело благородна. Ибо если не мы, то кто же? Если мы сами, современники, сомгновенники, не заглянем внутрь себя, не поймём, почему мы до сих пор не можем побороть ненависть, откровенное зло, а поддаёмся ему, мы не сможем идти по высоченной, нескончаемой Лестнице Иакова дальше. Выше. В небеса. Дойдём ли?.. Но упование велико. И любовь наша – велика! И без неё мы – никуда!

И ещё одно, важное, хлеб насущный наших раздумий. Вот если бы зла в Мире не было – как бы мы различали, отличали, понимали, обнимали добро? Как бы узнавали его, добро, в лицо? Добро и Бог, добро и любовь в нашем представлении – наближайшая родня. Но есть один потрясающий парадокс! И о нём знают не только философы. Звучит он так: есть зло, которое в результате оказывается высочайшим добром. И есть добро, что в итоге несёт смерть, горе и боль. Вот как тут быть? И где, по какому лезвию бритвы пролегает дорога спасения, избавления? Анастасия Чернова смело поднимает эти вечные вопросы в своей прозе. «Особняк» нужно, необходимо читать. Он – о том, без чего мы не живём, без чего нам нельзя жить на свете.

...как тепло, как искромётно-счастливо стало на душе после прочтения рассказа Олега Черницына «Пленэр»... Художник на природе, на вольной воле, сидит и пишет этюд... а картина – уже в памяти, в сердце, она рождается потом, позже; ведь главное в замысле – любовь. Любовь ко всему сущему. К каждой минуте и каждой секунде быстротекущего Времени. К невероятной красоте родной природы – увидеть эту красоту дано всем, но не всякий сможет её равновелико запечатлеть... и такой дар – да, счастье.

Всё есть счастье, Мирь надо только любить. Любить самому, ибо бытие – Божье. И мы, люди, живописуем его кто как может. И тем самым дарим – вкладывая в изображение, в искусство все драгоценности души нашей – людям...

«Золотисто-розовое солнце спустилось к облакам, парящим белыми перьями над горизонтом. Уставшее за долгий день, собралось с силами, зарделось, подпалило небесную перину. Небосклон блеснул розовым, завязался малиновым. Горящий диск играючи прожжёт облака, и лес вспыхнул, занялся верховым пожаром – яростным, на полнеба.

Живописец встал, прищурился на зарево, напрягся. Ноздри его шевелились, улавливая мягкие ароматы вечера. Павлу показалось, что живописец сейчас, на его глазах, создаёт своё лучшее полотно: смешивает краски на невидимой палитре, не скупясь на самые яркие, точными, щедрыми мазками одаривает бескрайний холст.

Вот и река взялась огнём – смотри, закипит! Алый горячий полукруг завис над горизонтом – секунда, и солнце рухнуло в пожарнице, подняв в небо сноп золотых искр. Заря медленно гасла».

А писатель-то, писатель, глядите, сам Олег Черницын – каков художник... какие самоцветные, переливающиеся живым перламутром, мощно-весомые слова он находит для изображения великости, неповторимости дивной Природы... Живопись словом – большое искусство. В рассказе оказались равномогущны и его герои – писатель Павел, и художник Аркадий, и сам автор, незримо встающий за их спинами, за их жизнями...

Драгоценна жизнь... из каждого слова этого рассказа бьёт ударами сердца: любите её, творите, обнимайте, воспевайте... не упустите ни мига из её великих даров...

В рассказе Эвелины Азаевой сразу впечатывается в память фраза: *«И тут появляется русский человек. Его сразу видно. У русских говорящие глаза».* Какой штрих! Не штрих даже, а выражение глобальной, космической, вселенской СУТИ России. Глаза светятся, глаза говорят, глаза даже кричать

могут! Глаза и когда молчат – у русского говорят. Шёпотом. Сердцем. «Глаза – зеркало души» – гласит старая русская поговорка. Самолёт, и рейс из Канады в Москву.

И две женщины, попутчица-немка и русская, журналистка Анна, беседуют... долгий полёт.

«– Вот чего вам не хватает в Канаде? – продолжает допытываться собеседница.

Русская с минуту соображает. В Канаде много хорошего, и всего ей хватает. Кроме главного.

– Мне России не хватает, – говорит».

И эти слова тоже врезаются в сердце!

Да, нам в чужих краях, в иных странах, в иных землях не хватает – России!

А я вспомнила одного канадского профессора, филолога, из университета в Виндзоре. Он каждый год летал в Россию, хотя не русским был, а хорватом, и увезли его в Канаду ещё ребёнком. Я спрашивала его: «Любомир, ну вот чего вам не хватает в Канаде, такой замечательной, красивой, удобной, безопасной стране?» И он серьёзно отвечал: «Мне не хватает трагедии. Я еду в Россию за трагедией. Там у нас всё так прилично... всё так, да, безопасно...»

А на дворе стояли безумные, шлопутные, страшные, кровавые, обманные, и правда трагические, русские 90-е годы...

Потрясающе заканчивается рассказ. На огромной силы эмоции. Но это не просто эмоция! Это как ветер. Зимний вихрь. Метель. Ураган. Он захлёстывает. Он кого-то другого ломает, но не русского человека.

«Отоспавшись после полёта, Анна выходит в соцсети и пишет: “Мы отвратительны тем, что не сдаёмся. Ни в большом, ни в малом. Ни даже в крохотном. Мы не боимся трудностей, считаем, что «двум смертям не бывать, а одной не миновать», и сторонимся греха, напоминая тем самым грешникам Европы и Америки, как низко они пали. Мы бельмо. Похитители спокойствия. Божий набат в глухие уши и покрытые жиром сердца. Как нас любить?»

Избавление придёт, когда мы поймём, что нам не нужна их любовь, признание.

Русские – не народ, а цивилизация. А цивилизации самодостаточны.

Русские – счастливы. У нас всё ещё горящие глаза...”»

Как счастлива я встретиться с поэзией Андрея Шацкого! Шацкий – реинкарнация воина Куликова поля. Иначе не скажешь. Идут полки! Блестят на солнце шлемы! Вздываются к зениту копья... За землю Русскую, за кровь родную, за народ, за Родину, за любовь, за великую силу времён выступает воинство; сколько любви и боли!.. Любовь и боль – наша судьба. И обе – русским солнцем осиянны.

Ну вот и наша сотня. Поутру / Мы встанем с нею около Непрядвы.

И заполюют стяги на ветру, / Взыскующих единой русской правды!

Под клёкот лебединых верениц / Святая Мать за воинство заступит.

И Красный Холм – Мамаю ринет ниц / И в степь отбросит, словно чёрта в ступе.

Стихи Андрея Шацкого абсолютно сакральны, трагичны, святы, светлы. Свет и святость – одного корня. Древний славянский бог прозывался Световид, а на Божественной Литургии иерей восклицает, подъявши руки горе: «Слава Тебе, показавшему нам Свет!»

Вот такая это поэзия. Поэзия беспредельного Света. Сквозь мрак, сквозь трагизм, сквозь кровь и смерть.

В Диком поле рыщущую смерть, / Колченогой тенью Тамерлана...

А над Русью – дождь и коловерть, / Низкие осенние туманы!

А над Русью в стае облаков / Вспыхнет омофора позолота.

Зазвонит печаль колоколов / Дмитровской родительской субботы.

И взойдут озимые сквозь твердь / Колосом пшеницы и крестами,

Чтобы память попирала смерть / Свода летописного листами!

Елена Пиетиляйнен... светлая, светлейшая, тресветлая её поэзия – плоть от плоти и дух от духа сияющего, чисто-прозрачного Севера... Север подарил Елене силу и нежность, насытил её поэтику глубиной своих озёр, ширью-простором своих беспредельных далей... Стихи Елены одновременно и драматичны, и солнечны. Они знают краски заката, но печаль побеждает сверкающая, радостная

мистика восхода. Любовь – это тоже восход. Бездна любви, женственности в этих, насыщенных силой родной природы стихах! У кого горе, у кого боль и несчастье – идите к стихам Елены Пиетти-ляйнен за счастьем, как ходят в Карелии в лес по ягоды и грибы, как глядят в Карелии в полночное звёздное небо, на роскошную игру Северного Сияния!

*Позови за собою, / туда позови,
Где в сосновых стволах – / отражённое озеро.
Даже если разлукой / уже подморозило
Родники в заповедниках / нашей любви.*

Какую нежнейшую любовь к Мiру и человеку надо нести в своём сердце, чтобы высказать это, заповедное, потаённое, единственное:

Проливалась / заря, / как вино, / На небесную светлую скатерть...

И какая вечно-женственная, вечно-прощальная музыка, какая далёкая песня звучит в строках, что словно бы рождаются сами собой, без участия в том человека, поэта... это первый признак того, что строки эти – от Бога:

*Завтра встану рано-рано – / Проводить тебя в дорогу.
Проводить тебя в дорогу / С забелённого крыльца.
В наши окна будет странно / Ночь глядеть луною строгой.
Не одна звезда прольётся / С почерневшего лица.*

А вот поэт Сергей Пахомов, он живёт в деревне Мережа Вологодской области. И ему внятн нервный, драматический пульс времён. И его тревожат, причиняют ему боль минувшие годы – страшные, грозные, незабываемые, в громах рвущихся снарядов и бесчисленных смертей – опять за Родину, за счастье жить. За это платят жизнью на войне, и Сталинград не вытравить из души, не выжечь калёным железом.

*Созревшим эхом виноградин / стучит над оттепелью град,
Гудит земля, которой ради / я твёрже стал, / чем Сталинград.
Душа оплавленной воронкой / зияет в сумрачности лет:
Потрёпанная похоронка / хранит / рыданий горьких след...*

А вот радостное свидание с Владимиром Хохлевым из Санкт-Петербурга! Любовь захлёстывает нас с первых строк подборки. Любовь разлита во всех его стихах, в каждом слове, даже в каждом вздохе, в молчании между строк. А ведь между строк часто хранится главная тайна!.. Питерская культура просвечивает и играет в словах поэта весенней водой, бликами освобождённой ото льда Невы; поэзия Владимира Хохлева – свет, а не тьма, он весь направлен, протянут к радости, и вектор этой радости не скроешь, его видно-слышно везде, и счастье для человека – вступить в такую полосу жизни, где даже не пишутся – поются, шепчутся такие стихи:

*И главное! Без тебя не вижу смысла существования.
Жду твоего взгляда, нежности... твоего внимания.
Теку к тебе мыслью, чувств сердечных рекой...
Садись же в свою лодку, плыви ко мне, беспокой...
Бери меня силой, волей... свивай из меня нити,
будоражь мой просторный ум миражами наитий.
Иди по мне – по живому мосту – к звёздам...
Пока я ещё есть... здесь... И пока не поздно.*

Чудо любви... без неё истинной поэзии нет, как ни крути... поэзия – не рациональный (или безумный) набор красивых (и даже порой красивеньких...) слов, не искусное сочинительство; в лучшие свои минуты, в лучших своих вариантах она – песня и молитва.

*Мечтать, бродить... вдвоём, как раньше в детстве.
Рука в руке, душа в душе... Весна,*

*не просчитав ни рисков, ни последствий,
связует двух в одно... Любовь сильна!
Нас встретил март, сияющий, счастливый.
Мы вместе улыбнулись февралю...
Твои глаза шепнули снова: «милый».
А я сказал забытое: «люблю».*

Продолжает лиричнейшую, светящуюся музыку Владимира Хохлева поэт Галина Капецкая. Её словесные акварели притягивают, погружают в особое состояние... и она, сквозь все невзгоды, тянется к радости. Чересчур печальна порою наша жизнь. Печаль тоже нужна; как без неё? «Что такое жизнь? Трагедия. Ура!» – воскликнул глухой Бетховен. Но человек идёт от страдания к радости, от ненависти к любви! И, Господи, это так прекрасно! Именно это состояние души и духа, это миро-воззрение, этот чувственный настрой!

*Капля из фонтана радости, / облачко из аромата обаянья,
мелодия из гимна счастья, / лепесток доброты,
светлое дыханье нежности, / лёгкий ветерок радости,
глоток надежды, / крепкая основа веры,
все краски Мира, / вся музыка мечты
и все оттенки счастья – / в бесценном цветке Любви!*

И словно переводишь взгляд на другой конец коромысла, что от века несёт на плечах женщина, возлюбленная, дочь, мать, – Татьяна Ярышкина, она обращает лик к вере, она охвачена сомнениями, её лирика философская и одновременно полная ярких и сильных чувств... и она светится сердоликовой печалью, той самой тютчевской, фетовской печалью, когда ты любишь Мирь и хочешь жить вечно, потому что ты рождён для вечной любви, – и ты прекрасно осознаёшь конечность всего и вся на земле:

*Подо мною печаль земли. / Надо мною небес печаль.
Времена ещё не дошли / До начала своих начал.
Не замкнули ещё собой / Предначертанного кольца.
Ни под небом, ни над землёй / Не исчерпана до конца
Та печаль – а конца и нет. / Потому ли, что Сам Творец,
Возглашая: «Да будет свет!» – / Дал начало, но не конец?..*

И ты – да, ты сам, один перед лицом всех времён – осознаёшь Бесконечное и горячо, неистово любишь то, что должно уйти навсегда...

Поэт Александр Орлов представляет русских поэтов в проекте «Поэтическая Седмица».

Как это прекрасно придумано – показывая творчество современных мастеров, предварять их подборки кратким, живо очерченным поэтическим портретом, словно бы вводя нас за руку в вербальную сокровищницу автора, в его святая святых; друг-поэт говорит о друге-поэте, как песню поёт; и прислушиваешься к словам той песни, и внимательней читаешь и того, кто доселе тебе незнаком, и старого друга, давно любимого, знакомого наизусть:

Александр Логинов

«...душевное одиночество, направленное на постижение всего созданного, земного и небесного, явственного и непостижимого...» (Александр Орлов – об Александре Логинове).

*Ровно в полночь, когда над землёю небесный пастух
На прогулку выводит весёлое звёздное стадо
И, томясь ожиданьем, восстаёт человеческий дух,
Тёмных сил и страстей прорывая глухую осаду,
Где-то там, в закутке даже самой заблудшей души,
Родилось что-то светлое, лёгкое, как дуновенье...
Это семя любви проросло в заповедной тиши,
А навстречу ему пролились волхованье и пеньё.*

Олег Рябов

«...стремление к гармонии, нравственному совершенству вызывает у Рябова чувство сопротивления злу, это противостояние словом не оставляет автора ни на минуту...» (Александр Орлов – об Олеге Рябове).

*Я в выборе не волен: сам Господь / Меня сюда направил, я – лишь путник,
Без посоха, без торбы, без сапог. / Не сомневаясь в чём-то ни минуты,
Я был обласкан выбором таким, / Который сделал Он, и я доволен.
Я буду здесь творить, писать стихи, / Через страданье исполняя волю.*

Николай Алешков

«...он не пытается разгадать святые тайны, а принимает небесное таинство смиренно и беспрекословно...» (Александр Орлов – о Николае Алешкове).

*Луга за Камой. Полночь. Блеск зарниц. / И быть, и небыль!
Над всей рекой отсутствие границ / Между землёй и небом.
На крыльях сна в ту ночь хочу вспорхнуть. / Там ангелы летали.
И вспыхивал над миром Млечный Путь – / Не для меня ли?*

И что же? Вот явное и тайное родство этой поэтической троицы, недаром объединённой Александром Орловым в светло-ромашковый венок русских полей и русских образов в красном углу. Вот тайна и счастье словесной Седмицы, этой поэтической Пасхи. О Боге, о Боге звучат, шепчут, поют поэты, выстывают Его через страдание, взхлёб кричат о даруемой Им радости! И это, это и есть благодать! Это заповедное пространство журнала даже проектом трудно, неверно, назвать, поименовать таким холодным и отстранённым словом; это и вправду место Божьей силы, здесь поэт может вольно высказать своё самое таинственное, самое насущное, самое православное-кровное: неубиваемую веру свою.

Листаем журнал дальше, дальше...

Берега юбилеев...

Анастасия Маряч рассказывает нам о Сергее Дягилеве: имя предельно знаковое, для начала XX века, для действий и состояний великой русской культуры за рубежом – не имя, а просто реющее в выси знамя! Слово «знаменитый» родня слову «знамя». Дягилев, знаменосец русской красоты, – в сердце Европы, в придиричивом Париже, законодатель мод, что знает наизусть сундук с мировыми сокровищами, что видывал виды... Столько революций! Столько войн! Столько потрясений и катастроф... А знамя Культуры высоко воздымается, а пламя факела Культуры рвётся на Вселенском ветру. Вчитаемся. Вслушаемся.

«Сезон 1907 г. по-настоящему стал европейской сенсацией: пять “Исторических русских концертов” на сцене парижской Гранд-опера, что называется, “разведка перед боем”, как писали впоследствии исследователи, изучающие жизнь и деятельность С. П. Дягилева. Впечатляющие сила и мощь русского искусства, представленного творчеством Михаила Глинки, Николая Римского-Корсакова, Модеста Мусоргского, Александра Бородина, Сергея Рахманинова, Александра Скрябина, покорили европейскую публику. Море оваций и аплодисментов, восторженные крики – именно так провожали после концертов русских артистов...»

Да, именно так: покорили! А слышится: завоевали! Иной раз любовь и свободу, упование и счастье надо завоевать. Русская культура несла в Мирь – Мир. Будем помнить это. Будем жить так, как жили они, любимые, незабвенные:

«“Истинное искусство всегда нравственно”, – А. Чижевский;

“Невозможное сегодня станет возможным завтра”, – К. Циолковский;

“Внутренними свойствами добра определяется жизненная задача человека, её нравственный смысл состоит в служении добру чистому, всестороннему и всеильному”, – В. Соловьёв. <...>»

В рубрике «Берега Новороссии» культуролог, кандидат философских наук, преподаватель Луганского государственного педагогического университета Нина Ищенко рассматривает, объёмно, подробно, образно, вдохновенно, с любовью, стихотворение Александра Сигиды-сына «Русский Лавкрафт».

Война – не упоительная фантастика, не захватывающее фэнтези, не истеричное жонглирование смыслами, не компьютерная игра. Война это война. Она жестока, реальна, неизбежна. Но эпоха накладывается на эпоху, образ прославляется образом, мысль сшибается с мыслью. И на стыке рождается новое пространство-время – и нам дано его узнать, понять, осознать, восстать против него или обнять его и крепко прижать к груди, к сердцу. Так в искусстве непредсказуемо трансформируется Время. Так один автор – через года, а бывает, через века – незримо встаёт с другим автором плечом к плечу в тяжёлой, иной раз и последней битве.

*Если б я был / Так беспристрастен, каким был Лавкрафт,
Я бы обнёс владенья мои крепкой стеной...
И свысока я наблюдал бы, как астронавт,
Тех, кто внизу / Всё не поделят шарик земной.*

*(...)Говард, пора. / Видишь знаки разрывов близ угольных шахт?
Слышишь ли крики мверзей ночных / Над нашей страной?
Фридрих-Вильгельм, снайпер Бодлер и / Русский Лавкрафт
Время – вперёд... / Снова уходят в поход ледяной.*

«...в стихотворении “Русский Лавкрафт” ставится и решается проблема жизненного выбора поэта на войне. Лирический герой отбрасывает привлекательные для интеллектуалов варианты – жить в башне из слоновой кости, стоять над схваткой, уехать подальше. Русский Лавкрафт выбирает путь поэтов, философов, писателей, для которых литература больше, чем забава, которые философствуют молотом, идут против системы. В этом отряде отверженных он уходит в последний решительный бой, в поход ледяной, который состоялся в степях Донбасса в 2014 году. Сквозь обобщённый донбасский пейзаж – шахты, степи – проступают силуэты городов Лавкрафта, где клубится тьма, враждебная человеку. И русский поэт Донбасса идёт сражаться против этой тьмы, выступая наследником и красных, и белых, и проклятых поэтов, и всех, кто не боялся творить».

Кровью сердца написаны Ниной Ищенко эти слова. Их вдыхаешь глубоко, всеми свободными лёгкими, навсегда, чтобы любить и сражаться, чтобы жить.

Новороссия не покидает нас. Елена Заславская пишет-поёт о Пережитом. Да не поёт, а плачет! Эти, по Астафьеву, затеси – маленькие такие, задыхающиеся, то нежные, то железные записи, мгновенное запечатление улетающей жизни – да, выплаканы, вырыданы. По-женски. По-матерински. По-бабьи. Страшно, высоко, душераздирающе. Но художник поднимается над своим рыданием. «Художники пламенны, они не плачут», – сказал когда-то Бетховен. Проза Елены Заславской так похожа на стихи. Её и надо впивать, вбирать в себя, как стихи; пить, как вино или молоко, как холодную воду в жару. Глоток воды в самой сердцевине смертного боя! Вот что это такое.

«Док говорит: между залпом града и ответкой можно сделать четыре затяжки (он любит красный “Бонд”). Четыре затяжки – всё что успеется, перед тем как по тебе долбанёт, перед тем как тебя на четыре стороны с комями земли. Док помнит, как у ротного зенки из черепной коробки выкатились, незабудками зацвели.

Док говорит, что приехал сюда помирать, да нечаянно выжил. Те, у кого удача пожиже, здесь лежат в новых могилах братских, в наших степях донбасских, укрытые ковылями и разнотравьем Дикого поля, зимою – снегами по пояс.

Все мои сказки об этих героях».

И вот они, родные «БЕРЕГА», Берега Янтарного края...

Валерий Громак соединяет в своей прозе всё: воспоминания, живые впечатления, философские раздумья, голоса людей... не только автор тут звучит – звучит многоголосый хор тех, кто глотнул войны и чуть не захлебнулся, кто намертво сцеплен, сжат был в её жутких объятиях... Валерий Громак хоронил друзей. Валерий Громак ставил поминальные свечи. Валерий Громак мужественно возвышает голос свой – и громко говорит нам о том, что НЕЛЬЗЯ забыть.

«Чтобы сделать снимок разбитого аэропорта, полез в пролом в заборе, но меня остановил крик племянника: “Там мины!” Назад пришлось возвращаться по собственным следам.

Человеку, далёкому от войны, трудно осознать эту реальность. Но в ней живут люди, за четыре года привыкшие к смерти. Родственница Яна водила меня по своему огороду, показывала дыры в заборе от снарядов, изрешечённые пулями стены, а в сарае – оперение от “Града”. Пожилая женщина спокойно рассказывала, как отличить на слух танковый снаряд от мины, определить направление его полёта и как в таких случаях поступать. <...>

Вот только вдумайтесь: разве к насильственной смерти – за много лет – можно ПРИВЫКНУТЬ?! А вот люди – привыкли. Не дай бог вам, люди, занять такую привычку! Она есть мета войны. Притом долгой, затяжной, изнуряющей, с этой длящейся в небесах и в душе пыткой – ОТЛИЧИТЬ на слух...

Валерий Громак говорит про культ палачей. Про ужас народной бедности, нищеты. Призрак военного голода рядом, он ходит коварно-близко. Говорит про великий обман – Украина ещё не в НАТО, а НАТО уже на Украине. Как быть? Людям живым, любящим свою, Богом данную Родину, можно только сражаться. И есть война подлая, а есть Война Священная.

Сергей Рослин окунается в прошлое. Плывёт в нём вольным стилем. Наши воспоминания – быть может, самое драгоценное, что есть у нас за пазухой; это наша любовь к Времени, это наше его прощенье, наше – его, уже умершего, ушедшего, канувшего – воскресение. И здесь все мы немножко демиурги...

«Время было трудное, изобилия не было, да и денег у нас лишних не водилось. Новый год у меня всегда ассоциировался с запахом апельсинов и мандаринов, которые по великому благу приносила нам наша знакомая, работавшая на овощной базе. Когда я уже подрос, в мои обязанности входило ходить в подвал за углём и щепой и топить нашу печь. Дело это было мне вполне по душе. Это был целый ритуал. Я любил подносить спичку к аккуратно сложенной горке щепок и наблюдать, как они ярко вспыхивают в топке. Печка потихоньку оживала, через несколько минут уже весело гудела. Затем нужно было только вовремя накидать совком угля, пока не прогорели дрова. Комната постепенно наполнялась теплом, было радостно и уютно на душе в эти морозные зимние дни. Вообще мне очень нравился огонь. <...>»

«...очень нравился огонь...» Огонь – жизнедающая, жизнь дарящая сила. Ребёнок сидит у огня, у пылающей печи... Это есть символ времени. Дитя – хранитель огня и возжигатель его, согревающего. Да, огонь опасен! И да, он благодатен. Детство, зима, Новый год, запах еловой хвои и мандаринов... дух праздника... треск горящих в печке поленьев... Счастлив тот, кто на весь век свой, на веки вечные несёт свой Детский Праздник – в себе. В сердце.

Берега истории...

Войдём под своды Всесокрушающего, да, но и Всерождающего Времени...

Екатерина Фёдорова, доктор культурологии, профессор МГУ, рассказывает о князе Никите Дмитриевиче Лобанове-Ростовском и обо всём его роде. Безмерен интерес наш к нашему прошлому! К истории рода, тем паче такого именитого, к роскошному генеалогическому древу!

«Лобанов-Ростовский крупная личность. Огромная планетарная система, живущая по своим законам. Высокий интеллектуализм – в постоянном процессе самоусовершенствования. Не похож ни на кого, только на самого себя. Ну и, конечно, генетическая аристократическая статья его предков – князей Лобановых, Лопухиных, Кропоткиных, Львовых, Куракиных, маркизов Траверсе, графов Кушелевых, дворян Вырубовых, Кожиных, Галаховых, Шенишиных – высказалась в этом потомке Рюриковичей со всей возможной полнотой».

Вдумайтесь, ведь в соцветии родовых фамилий, в подкупольном многозвёздном, галактическом пространстве знаменитых предков князя – вся история Руси, России...

Григорий Некрашевич с любовью и всемерным знанием повествует о своем славном праотце, потомке старинного шляхетского рода, Иосифе Григорьевиче Некрашевиче-Покладе. Ах, на старой фотографии Иосиф Григорьевич бравый какой – лик крепкий, скульптурной лепки, крепко и мощно сбитый торс, воинственные усы, взгляд сверху вниз, властный, а голову сейчас повернёт – и понимающий, и всепрощающий... В русско-турецкой войне поручик Некрашевич-Поклад принимал участие. В конце 1886 года справил свадьбу с Евгенией Соколовой, произведён в штабс-капитаны, позже – в капитаны, чуть позднее – в подполковники... Какая картина встаёт за скупыми словами исторического отчёта!.. «26.02–23.12.1904 – подполковник Некрашевич-Поклад находился под огнём

неприятеля при осаде и бомбардировке крепости Порт-Артур. <...> И вот Иосиф Григорьевич уже полковник, и вот ему пожалован орден Святой Анны... И вот он – генерал-майор...

И – взрывом на полнеба – трагедия Революции, и на кораблях – в неизвестность туманного, страшного будущего – прочь из Крыма, из Феодосии, из России, из всего того, что станет теперь лишь во снах родным соловьём петь над ним – на ветвях чужих стран... Судьба на обрыве, на краю... и вот он, обрыв, и эта пропасть – навсегда. Сперва Константинополь, потом Черногория.

«Жизнь русских эмигрантов в Черногории была не сладкой, требовалось каким-то путём зарабатывать на пропитание. Генералы, офицеры, научные деятели брались за любую работу, чтобы прокормить себя и свою семью.

В конце 1925 года Иосиф Григорьевич тяжело заболел и был помещён в военный госпиталь в г. Каттаро (КСХС; ныне г. Котор, Черногория). Источник журнала “Русский вестник Черногория” указал, что генерал-майор Некрашевич-Поклад Иосиф Григорьевич 23 декабря 1925 года умер в военном госпитале и похоронен на православном кладбище в селе Шкаляри (ныне район г. Котор)».

И сверкающей формулой памяти – в небесах времён – звучат слова автора, потомка славного генерал-майора: *«По древнему народному поверью, когда герой уходит в мир иной, падает с неба звезда и гаснет. Но не пропадают бесследно дела его, – они бессмертны, ибо в них живёт дух народный, его история».*

Виктор Ширяев публикует автобиографические записки «Моряк и воин». Мне они тем более важны и дороги, что отец мой Николай Крюков, прежде чем стать художником, был моряком – после Военно-морского училища имени Фрунзе в Ленинграде: сначала матросом, а во время Великой Отечественной войны – штурманом-рулевым на знаменитом ледоколе «Дежнёв» (во время войны – СКР-19). Да ведь и наш он, Виктор Иванович, нижегородец, в Нижнем родился в 1926-м, ровесник матери моей! Детство в Нижнем (Горьком). Война. Вот Виктор – курсант военно-морского подготовительного училища в Баку... С нетерпением жду, дорогой Виктор Иванович, продолжения уникального рассказа о большой, драматической, неохватной жизни...

Зоя Колесникова из Воронежа представляет читателю книгу Лидии Владимировны Довыденко «Сила русской мысли» (Калининград, 2021).

Да, это – Берега прочтения!

Глубоко в сердце, на всю жизнь, на всю нашу горячую и благодарную память врезаются строки Зои Колесниковой, соединённые, сплетённые с мыслями Лидии Довыденко и с позициями русского философа Ивана Ильина:

«“Кто возьмёт человечество на ладони любви?” – мудро вопрошает Лидия Довыденко. Таким образом, Лидия Владимировна подводит читателя к мысли философа И. Ильина о том, что “духовная рана современной культуры – утрата священного”».

А разве не так? Разве не исчезновение, истаивание в воздухе, полном ядовитых культурных (вернее, без-культурных!) миазмов, великого Русского Сакрала, великой и высокой ориентации на Священное определяет возможность совершить преступление – без мыслей о том, что впоследствии наказание? Пусть даже наказание Божие – это ещё страшнее и ещё справедливее!

Но есть, есть эта сила, – что сопротивляется, борется, отодвигает ужас распада, разрушения.

«...Лидия Владимировна уверена, что ныне, как никогда, русская литература, обращаясь к Богу, на главном своём направлении выявляет живые связи языка, воскрешает основы народного мышления, раскрывает душу народа, его сердечные думы и чаяния».

Да, наша страна литературоцентрична! Она не перестала быть такой! И в этом наша надежда, наша крепость, наш вектор; так мы движемся вперёд сквозь все бури. Писатель по-прежнему плывёт, зорко видя вдали обетованный Берег. «Нас было много на челне...» Помним, помним, шепчем-повторяем великого Пушкина...

Великолепно говорит о книге Василия Килякова «Посылка из Америки» писатель Эдуард Анашкин! Оба равносильны, в одной святой атмосфере художества и веры живут и дышат! И быть может, самое главное, самое животрепещущее и истинное подметил Эдуард Анашкин в прозе Василия Килякова:

«Василий Киляков обладает несчастным сегодня талантом объёмного, одного замеса с народным языком и мышления, из которого проистекает также несчастное ныне качество. Имя ему –

народная художественность. А возникает она из обрётённого с младых лет не просто знания, но чувствования русского языка. Знания-то пополняемы книжным путём, словарей диалектных слов хватает, да вот только книжное знание народного наречия не даст писателю того ощущения подлинности, про которое говорят, что не язык – рабочий инструмент писателя, а писатель становится инструментом того яркого, самобытного народного наречия. Его не спутаешь ни с каким другим, и на него сразу и безошибочно отзывается душа русского человека. <...>

И не про все рассказы Василия Киякова, что в книге, подробно пишет Эдуард Анашкин. А про один рассказ из книги «Посылка из Америки» – «Письмо Сталину». Парнишка Колька пишет Сталину, вождю, письмо... Сразу вспомнят все Чехова и его Ваньку Жукова...

«И вот грамотный (письменный, по выражению матери, гордящейся грамотностью сына) Колька не удержался и написал всё-таки Сталину. Но не про мать, которая ругает вождя народов. А письмо с просьбой устроить его в желанное суворовское училище. С адресом на конверте, правда, как и у чеховского Ваньки Жукова, у Кольки тоже вышли проблемы. Ванька написал “на деревню дедушке Константину Макарычу”, сделав на века фразу крылатой. С “письменным” Колькой получилось примерно то же самое:

«...Высунув язык от усердия и слизывая набегавшие, как назло, сопли, яростно шмыгая носом, написал: “Москва. Кремль. Вождю всех времён и народов И. В. Сталину”. И подумав, добавил: “Любимому и дорогому”. Потом подул на перо, опять пошмыгал носом и вывел в уголке, в самом низу конверта: “Лично в руки. Жду ответа, как соловей лета!”».

Письмо вернули... Кольку ждала выволочка... Мать упасла его от тяжёлой руки отца... Но... задумайтесь. Наша страна... с её потрясающими контрастами... с криками и воплями раскулачивания, о котором мне, вся в слезах, рассказывала мать – и с заботой правительства об образовании, о медицине, о БУДУЩЕМ людей... Опять случай из жизни нашей семьи... и тоже – письмо Сталину!.. Капитан ледокола «Дежнёв» Александр Гидулянов написал письмо Сталину – с просьбой определить талантливого штурмана-рулевого Николая Крюкова, что так любил писать портреты команды боцманскими малярными красками, после службы на флоте и после войны, в Академию художеств в Питере. Колька Крюков, отец мой, прибыл в Москву на побывку с этим драгоценным письмом капитана в чемодане... Пошёл в Кремль... без надежды, без всякой надежды!.. а Сталин – принял его. Да! Это не фантастика. Это было. Я изобразила эту уникальную встречу, сто раз увиденную мною внутренним взором во время рассказов о ней отца, в книге «Старые фотографии»... Поэтому рассказ Василия Киякова я понимаю и люблю как никто...

Лидия Довыденко представляет книгу Андрея Шацкого «Сказы Куликова поля» («Опять ветра заводят перебранку...»). И сразу, сразу, с первых горящих строк, Лидия Владимировна говорит нам о святости мироощущения Куликова поля, о благословенности этого Русского Пространства – ибо над ним простёрла свой омофор Матушка Богородица:

«Куликовец Андрей Шацков, рукой которого действительно руководило высокое вдохновение, во вступительной части своей поэтической книги “Опять над Полем Куликовым” обращается к пророческим словам Александра Блока, назвавшего битву “символическим событием русской истории, которым суждено возвращаться...”, потому что силам зла нестерпим свет России, над которой простирает свой покров Богородица, приснившаяся Блоку: “Ты сошла в одежде, свет струящей, не спугнув коня”, пришедшая во сне поэту Шацкову, благословив на стихи о Куликовом поле. Она стояла в свой день Святого Рождества над Куликовым полем, её образ появился в небе перед началом штурма Кёнигсберга и взятия его Красной армией 9 апреля 1945 года. <...>»

Разве это небесное, вышнее Богородичное знамя не передаём мы из рук в руки – через года и века? Лидия Довыденко в своей статье о новой книге поэта Андрея Шацкого подмечает самое существенное, самое звёздно-истинное у поэта:

«Язык Шацкого загадочен и непредсказуем. Живое и живущее в его “Сказах” не привязано к быстро текущему времени, оно возвышается над вечной Русью, Россией, а её небесный дух, её красота, где-то наивность и доверчивость – под покровительством Богородицы.

Давно не ощущала такой высоты, какая в книге Андрея Шацкого, как близко душе его поэтическое видение и созерцание, как тепло от родственности с его творчеством, и безбрежная благодарность – за духовное стояние на ратных полях России».

Ратные России великой поля! Сейчас тоже они расстилаются перед нами... И недаром в своих раздумьях Лидия Довыденко проводит пылающие параллели с тем, что происходит сейчас на Донбассе, с нынешними сражениями, с сегодняшним Русским Воинством...

Это и есть Русский Сакрал, соединяющий, сплавляющий времена.

Валерий Скрипко в статье «Мытарства творческой души» размышляет о романе иркутского писателя Анатолия Байбородина «Боже мой». Вчитаемся в то, во что вчитаться, вдуматься просто необходимо:

«“Боже мой” не просто название романа. Это своего рода морально-нравственный код или ключ к пониманию истинного смысла жизни героев книги. Эти два слова употребил в одной из своих статей в районной газете Василий Ознобихин. В контексте всех дальнейших событий в его судьбе восклицание “Боже мой!” стало звучать как сигнал тревоги за наше духовное настоящее и будущее. <...>»

Да, мы тревожимся о будущем. Мы печёмся о настоящем, часто не зная, как подступиться к решению тех или иных вопросов – загадки времени неоднозначны, предельно трудны. Мы совершаем ошибки. Нас губит то, что когда-то Александр Грибоедов назвал «Горе от ума», навек впечатав эту формулу в свою полынно-горькую, знаменитую, сияющую незакатным солнцем комедию (а точнее – трагедию!). Валерий Скрипко мечтает о том, чтобы по роману Анатолия Байбородина был бы снят фильм... Сколько же насущных, важнейших русских фильмов, так выходит, мы не увидели в последние годы! Однако писатель сам снимает свой фильм – посредством книги. И имеющий глаза и мысль – не только читает; он – ВИДИТ.

Ваагн Карапетян (Канада) показывает отрывки из романа-эссе «Великий блеф под названием “МАСТЕР И МАРГАРИТА”». Уже звучит интригующе!.. Задача этих разветвлённых изысканий – найти в тексте романа, уже, пожалуй, заученного наизусть поколениями читателей, несоразмерности, нестыковки, нелепости и даже (о ужас...) неграмотности... Задача, прямо скажем, и трудоёмкая, и даже, возможно, нравственно (иному литератору) непосильная. Со многими положениями фрагмента романа-эссе можно поспорить. Но на то и исследователь, и его работа, часто направленная именно на рождение спора, на подземные и подводные культурные возмущения.

«...Он (М. А. Булгаков) описывает события, ситуации, действия превосходно. Мы смакуем, наблюдая за филигранно-ювелирной словесной игрой мастера, но не задумываемся, насколько логично поведение героя и не зашкаливает ли абсурдная обстановка, в которую, как в ловушку, вовлекает нас автор, и настолько она необходима для решения общей концептуальной задачи. Своим виртуозным умением жонглировать словами он, словно экстрасенс, опутывает нас мелкими деталями, и сквозь них мы не видим общей картины. Мы, как в болоте, погрязаем в этих деталях, не решаясь выбраться, и по сей день остаёмся в этом пленении. <...>»

Спорьте! Опровергайте! Соглашайтесь! Сражайтесь! «В споре рождается истина» – максима древняя, а кто-то и с нею, быть может, готов поспорить...

Вот неделикатно, может, говорить про своё произведение в журнале. Но хотя бы в финале статьи о нём упомяну. В № 3 «БЕРЕГОВ» 2022 года – большой фрагмент из моей работы «РАСКОЛ. Книга огня».

Скажу только: трудный это текст, архаический, внутри него, в самой ткани прозы, музыка и ритмика стиха; я давно, ещё со времён «Юродивой», «Серафима» и «Иерусалима», люблю такое высказывание. В «Расколе» я напрямую обратилась к древней русской силлабике, и даже к ещё более древней, полузабытой музыке речи. Но дело не только и не столько в архаике. Мне важен был архетип Огня, архетипическая, громадных масштабов личность Аввакума, моя собственная свобода кочевья по временам – и, конечно, важно было соотношение времён Раскола с нашим днём, с тем, ЧТО мы переживаем сейчас. Полтора года работы над вещью – и вот вся жизнь любви к Старой Вере, к мощи Аввакумова слова, к пламени Духа, которое горит и посейчас, на которое и мы с вами – свидетелями – глядим.

Ну вот из этой музыки, вырвала наудачу:

«...кровь, солёно, хинно, полынно, горько, горячо, текуче, встают народы, войска и семьи, династии, военные тучи, она, свободная, широко и нагло льётся меж всеми, кровь с кровью сплетается, люди друг друга опять зачинают, тому кровь чужая, убей, а тому, о, прости, родная, кровь, вязкий

плов чужеземной победы, кровоподтёк на месте оков, кандалов, забытые снежные Веды, кровь берёт в полон, кровью клянутся, кровью на песке пишут заклинанья, кто в запретную кровь влюблён, нынче скотом пойдёт на закланье, кровь на морозе дымится, летит красным и белым паром, всё, что омыто кровью, всё пришло неслучайно, недаром, кровь, батюшко Аввакуме, я тебе бормочу, не слушай, для иной, небесной музыки отверзи слух свой, открой крылатую душу, кровь, это музыка, отче, это целый громадный оркестр, это варган, это жалейка и дудка и лира, я слышу кровь окрест, я вижу алый флаг ея – на пол-Мира, в крови сшибаются, плачут, летят тела, выпирают локти, кулаки гранатами вон вылетают, кровь, а может, любовь, несвятая, да брось, святая, всё красное свято, алой заплатой кровь на мне, на тебе, на тех, кто был и кто будет, морды коней, танков гусеницы, человек в крови, это страшно, больно и гордо, кровь, рода клеймо, дымы крематориев, пылающих изб, гоститалей, полных красных криков до неба... кровь, ты ей не прекословь, отче, она же тебе насущнее хлеба... кровь даждь нам днесь... Мирь, гляди, в крови весь... это Раскол, разрубили нас, разрубили... на душистое сено – и вопли измены... на святую молитву – и хищную, в задыханье, ловитву... на Положенье во Гроб – на дикий, последний вопль на могиле – и на Второе Господне Пришествие, в торжестве, во славе и в силе...»

Мир без границ...

Палестинский поэт Абдулла Исса в переводах Светланы Савицкой звучит, как горячий голос пустынного ветра, сияет, как солнце над призрачными горами и песками-миражами, бьёт солёным и терпким морским прибоем в наши, открытые, жизни, души:

*Тень не имеет цвета, / И запаха, и вкуса.
Эхо стонет в лёгких ветра. / Где рождается душа?
Какая буря уносит её пепел? / Какой жертвенный агнец
поднимает колокол моей жизни, / Как купол твоих отпущенных грехов
Над твоими могильными травами? / Какой крест я должен нести, чтобы искупить их?*

Олег Мраморнов, замечательный переводчик, представляет нам стихи Петара Негоша в подборке «Балканские мотивы»:

*В знаменитых Балканах, / в неприступных горах,
на Высоких Дечанах / старый сербский монах
слёзно Господа просит / о собратьях своих,
по-славянски возносит / он молитвы о них.
Не в своём парамане, / с посохом и в скуфье –
в косоварском капкане / он привиделся мне.*

И как же великолепно заканчивается номер журнала, какой мощный последний аккорд звучит под его сводами – именно из этой, балканской, привольной, горной и морской, широкого дыхания подборки Петара Негоша в переводах Олега Мраморнова:

*<...> Не верь, что мы стали чужими, / что воздух растерзан и пуст,
глазами ты бухту обymeшь, / и вырвется имя из уст.*

...После прочтения третьего номера журнала «БЕРЕГА» за 2022 год хочу воскликнуть: какое счастье жить!

Какое же счастье жить и творить, дорогие мои!

Любите жизнь. Любите искусство.

И, борясь со злом, сражаясь с тьмой, помните: какое счастье на земле – любить друг друга.

Дарить любовь.

Она и есть величайший смысл Культуры и Бога.

Она есть душа нашей огромной, сияющей, великой и вечной РОДИНЫ.

Её необозримые БЕРЕГА.